СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ В СТРАТЕГИЯХ УПРАВЛЯЕМОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИРАНСКОЙ И ТУРЕЦКОЙ МОДЕЛЕЙ

Э.А. ПАИН,
доктор политических наук, профессор кафедры
государственной и муниципальной службы Научно-исследовательского университета
«Высшая школа экономики», генеральный директор Центра этнополитических
и региональных исследований, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН,
г. Москва,
e-mail: painea@mail.ru

TERRA ECONOMICUS ✧ 2014 Том 12 № 3

В статье излагаются некоторые результаты сравнительного исследования модернизации в двух исламских государствах: в Иране и в Турции. Рассматривается ряд дискуссионных вопросов. Во-первых, о соотношении роли культуры и менеджмента среди факторов, препятствующих модернизации; иначе говоря, – что в большей мере препятствовало успеху модернизации в ряде исламских стран: специфика исламской цивилизации или качество самих реформ? Во-вторых, автор задается вопросом, какую роль в успехе модернизации играет социально-культурная и политическая подготовка общества к радикальным экономическим реформам. Характеристика позитивных результатов реформ Ататюрка в Турции и провал модернизации в Иране, получившей название «Белой революции», подводят читателей статьи к ответам на поставленные вопросы.

Ключевые слова: *модернизация; традиции; технократия; ислам; «Белая революция»; кемалисты; Иран; Турция.*

SOCIOCULTURAL CAPITAL IN THE STRATEGIES OF MANAGED MODERNIZATION: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE IRANIAN AND TURKISH MODELS

E.A. PAIN,
Doctor of Politics (DSc), Professor of the Department of State and Municipal Management of
the National Research University Higher School of Economics,
General Director of the Center for Ethnopolitical and Regional Studies,
Leading Staff Scientist of the Institute of Sociology of the
Russian Academy of Sciences, Moscow,
e-mail: painea@mail.ru

Some results of a comparative study of modernization in two Islamic countries, Iran and Turkey, are presented in the article. A number of controversial issues are addressed. Firstly, among the factors impeding modernization the relationship between the role of culture and that of management is considered. In other words, was this the specificity of the Islamic civilization, or rather the quality of the reforms themselves that hindered modernization in a number of Islamic countries largely? Secondly, what was the role that sociocultural and political competencies of society played for successful modernization through radical economic reforms, the author questions. Positive assessment

© Э.А. Паин, 2014

of Ataturk's reforms in Turkey, on the one hand, and the failure of Iran's White Revolution, on the other hand, are discussed helping the reader answer the questions raised.

Keywords: *modernization; traditions; technocracy; Islam; White Revolution; Kemalists; Iran; Turkey.*

JEL classifications: *O53, O52, Z10, Z12, Z18.*

1. Цели и гипотезы сравнительного анализа

Для сравнения были взяты два проекта модернизации: с одной стороны, реформы иранского шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, получившие название «Белая революция» (1960–1970-е гг.), а с другой – реформы турецкого лидера Мустафы Кемаля Ататюрка (1920–1930-е гг.).

Иранская модель практически безоговорочно признается специалистами как один из наиболее очевидных примеров провала тех целей, которые ставили инициаторы реформ. Эти преобразования были в значительной мере сметены мощнейшим антиреформаторским движением, порожденным самими же реформами – их характером и методами осуществления. При этом исламская революция 1979 г. не только ознаменовала провал модернизационных реформ в Иране, но и вызвала к жизни рост исламского фундаментализма и экстремизма в глобальном масштабе. Турецкая же модель реформ, напротив, признается одной из наиболее удачных в мире и самой удачной в исламских странах[1]. Именно она позволила полуразрушенной к началу XX в. стране, развитие которой сковывалось архаичными имперскими и теократическими институтами, стать процветающей светской республикой, ориентирующейся на международные нормы и стандарты жизни.

Мы не ставили перед собой задачу подробной исторической характеристики обеих моделей модернизации. Сама историческая канва этих реформ сравнительно хорошо представлена в исторических исследованиях[2]. Мы сосредоточили внимание на выявлении типологических особенностей двух моделей модернизации.

Опрошенные нами эксперты, как в Баку, так и в азербайджанском сообществе в Москве, отметили, что считают турецкий опыт модернизации одним из наиболее приемлемых для Азербайджана. Вместе с тем и анализ негативного иранского опыта представляет, на наш взгляд, не меньший интерес для разработки модели эволюционной модернизации Азербайджана, предостерегая от возможных ошибок в моделировании социально-экономических процессов.

Сравнение двух моделей дает богатый материал для выводов о роли социально-культурных условий проведения модернизационных реформ. Кроме того, такой анализ позволяет опровергнуть целый ряд некорректных оценок роли «исламского фактора» и этнических особенностей народов в модернизации. Так, едва ли не большинство обозревателей иранских реформ связывает их неудачу с особым исламским менталитетом, который якобы и стал основной причиной отторжения населением модернизационных начинаний шахского правительства. Между тем и Турция – исламская страна, в управлении которой до реформ Ататюрка роль исламской теократии была выше, чем в Иране. К тому же турецкая модернизация более жестко задевала исламские институты, чем иранская. Наша гипотеза исходит из того, что различия в результативности обеих реформ обусловлены **не столько особенностями исламского менталитета или этнических культур персов и турок, сколько разным содержанием самих модернизаций, а также различиями их исторической обусловленности, неодинаковым историческим фундаментом модернизации.**

2. Модернизации – технократическая и социально ориентированная

Определение ***иранской модернизации*** как «технократической» может вызвать возражения, поскольку объявленный в 1963 г. новый курс развития Ирана представлял собой комплекс из 19 реформ, направленных не только на создание мощной промышленности, товарного сельского хозяйства и современной армии, но и на преодоление феодальных пережитков. Особое внимание уделялось формированию законодательной базы реформ, при этом за основу, как и в Турции, были взяты западные правовые нормы.

[1] См.: *(Эйзенштадт, 1999)*.

[2] См., например: *(Frey, 1965; Васильев, 1994; 1983; Фадеева, 1993)*.

Иранская программа социальных преобразований была более масштабной, чем турецкая 1920-х гг. Она предусматривала земельную реформу, бесплатное наделение крестьян землей; национализацию лесов и пастбищ; приватизацию государственных предприятий с выкупом рабочими акций; введение всеобщего избирательного права; ликвидацию неграмотности. В перспективе планировалось введение бесплатного здравоохранения и образования, включая высшее; развитие доступного спорта, строительство библиотек, театров и картинных галерей. Все это должно было обеспечить народу Ирана достойное будущее. Программа иранских реформ получила в стране всенародное одобрение на референдуме 26 января 1963 г. И это был как раз тот случай, когда в истинности народного волеизъявления никто не сомневался. После референдума программа иранских реформ была объявлена «революцией шаха и народа». Шах осознавал необходимость поддержки населением реформ, но рассчитывал не столько на идеологическую мобилизацию масс и уж тем более не на поощрение его инициативы, сколько ***на выкуп этой поддержки***.

Поначалу казалось, что эта концепция модернизации имеет хорошие шансы на реализацию. Доходы от продажи энергоносителей росли на протяжении всего периода реформ с 1963 по 1979 гг. В середине 1970-х гг. Иран по темпам роста экономики (в среднем более 10% в год) уступал только Японии. Реформы проходили в благоприятнейшей для Ирана геополитической ситуации. Шах заручился полной и безоговорочной поддержкой со стороны Запада, рассматривавшего Иран в качестве своего основного союзника на Среднем Востоке в противовес нестабильным режимам арабского Ближнего Востока. Иран был стержневым участником Багдадского пакта, а затем и военного блока СЕНТО *(Сотниченко, 2008)*. При этом у Ирана все эти годы были стабильно хорошие отношения с СССР, который строил на его территории электростанции, металлургические комбинаты, газопроводы. Членство Ирана в организации ОПЕК прочно связывало его и с арабскими странами.

И все же, несмотря на благоприятные условия модернизации, она завершилась крахом, прежде всего потому, что **ее социальный капитал – общественное доверие и поддержка – неуклонно таял.**

Сельскохозяйственная реформа наделила землей 2,5 млн крестьян, однако привела к результатам прямо противоположным, чем ожидалось. Крестьяне, работавшие на феодальных принципах у помещиков, не имели навыков ведения фермерского хозяйства, и уже поэтому не рассматривали его как ценность. К тому же мелкие фермерские предприятия были нерентабельны в условиях преимущественно зерновой специализации хозяйства. В таких условиях крестьяне за бесценок продавали полученные ими наделы и устремлялись на заработки в города. Помещики, получившие от государства выкуп за переданные крестьянам земли, не вкладывали их в сельское хозяйство, инвестируя капитал в более доходный бизнес – в торговлю и строительство, реже – в нефтяную промышленность, доступ в которую был закрыт узкой группой высшего чиновничества, практически сразу же монополизировавшей эту отрасль. Иран, основу экономики которого до реформ составляло сельское хозяйство, вынужден был уже в конце 1960-х гг. закупать большую часть сельскохозяйственной продукции за рубежом. Импорт продовольствия за годы реформ вырос в 80 раз. Затраты Ирана на этот импорт составили в 1977–1978 гг. 2,5 млрд долл. в год.

По мере свертывания сельского хозяйства возрастал приток населения в города. Объем сельской миграции к концу периода реформ достиг 500 тыс. человек в год *(Сотниченко, 2008)*.

Городская промышленность не могла переварить такой объем неквалифицированной, по большей части просто неграмотной рабочей силы. Нефтяная отрасль малотрудоемка, и к тому же расположена далеко от крупных городов. Новые же отрасли индустрии (металлургия, гидроэнергетика и машиностроение) с момента появления в Иране и впоследствии ориентировались на ввоз иностранной рабочей силы. Города, несмотря на бурный рост строительства, не могли предоставить в требуемом объеме полноценные жилища новым горожанам, не имеющим средств на их покупку и оплату услуг, поэтому обрастали трущобами, заполненными пауперизированным населением – основной социальной базой радикальных популистских движений.

Обвальный приток сельского населения в города породил целую гроздь проблем, которые, в конечном итоге, подорвали саму основу иранского проекта модернизации.

Эти процессы не имеют ничего общего с особенностями ислама, поскольку примерно в таких же формах проявлялись, например, в католических странах Латинской Америки. Там тоже происходило разрушение традиционных социальных связей, ухудшающее материальное положение граждан. Безработное население трущоб, фавел, не имело возможности обеспечивать старость даже своих роди-

телей, не говоря уже о поддержке более дальних родственников. Во всех странах, избравших модель технократической и дисгармоничной модернизации, **деградировал культурный капитал *нации***. Государство не успевало, а зачастую и не могло привить новые культурные навыки, а традиционная система социализации и передачи культурных норм разрушалась. Города, переполненные недавними крестьянами, рурализировались и переставали выполнять функцию центров трансляции культуры.

Растущие доходы Ирана от продажи энергоносителей не компенсировали рост обнищания населения по целому ряду причин.

- Политика этатизма, сосредоточения в руках государства как экономических, так и политических рычагов управления, объявленная эффективным механизмом оперативного распределения ресурсов на важнейшие направления модернизации, в действительности была скрытой формой олигархического присвоения национального богатства. Фактически государственная собственность принадлежала семье шаха и сравнительно узкому классу чиновников – так называемой «*тысяче семей*». Большая часть доходов от экспорта ресурсов сосредоточивалась в руках реальных хозяев страны, которые вовсе не были склонны делиться ими. Элита не собиралась отказываться от быстрых и легких доходов (продажи сырой нефти и природного газа) и вкладывать средства в новые отрасли с длительной отдачей капитала. Например, широко разрекламированный шахским правительством амбициозный проект строительства крупнейшего в мире нефтехимического комплекса, предусматривавший появление десятков тысяч новых рабочих мест, так и остался лишь на бумаге. Новые металлургические и машиностроительные заводы, построенные с помощью СССР, скорее были витриной индустриализации, чем реальным сегментом экономики.
- Замкнутый клановый характер управления страной и экономикой порождал экономический произвол, усиливал коррупцию. Даже в период, когда социальное недовольство приняло практически всеобщий характер и грозило уничтожением шахского режима, близкие ко двору чиновники продолжали скупать жилища и взвинчивать цену на жилье.
- Ухудшение положения населения во многом было связано с гигантскими военными расходами. Шах намеревался превратить свою полумиллионную армию в пятую по величине и силе в мире. Расходы на оборону за период с 1968 по 1978 гг. возросли в двадцать раз и достигли 10 млрд долл. в год (более 30% бюджета).
- В стране не было политических сил, способных мирными парламентскими средствами хоть как-то ограничить произвол властей и волюнтаризм их политики. «Период с 1963 года и до революции представляет собой поэтапный переход шаха к абсолютной власти. Партии создавались и распускались по велению правителя, возглавлялись его приближенными, а с 1975 года и вовсе были запрещены в связи с организацией единственной всенародной «Партии возрождения иранской нации» («Растахиз»), основным принципом программы которой была верность шахиншахскому строю, а также лично «вождю» и «свету Ариев» Мохаммеду Реза Пехлеви» *(Сотниченко, 2008)*.
- Для выживания иранский политический режим, его бюрократия должны были хоть как-то совершенствоваться, видоизменяться, проводить какие-то реформы, провозглашенные хотя бы на бумаге. Но режим окостенел. Его формирование проходило либо по родственному признаку, либо по признакам личной преданности шаху.
- Обновлению бюрократического аппарата могла бы содействовать внутриэлитарная конкуренция, однако она отсутствовала в Иране. Власть и «элита» были синонимами.
- Система обратной связи между элементарнейшими запросами общества и ответом на них со стороны истеблишмента была парализована. Сама власть не обладала достоверной информацией о ситуации в стране, даже имея разветвленную секретную службу САВАК, созданную при участии зарубежных специалистов. Власть фактически проглядела формирование исламской оппозиции и почти до самой революции 1979 г. направляла основные усилия на подавление слабых левых, просоветских группировок.

Уже к середине 1970-х гг. шахское правительство не имело общественной поддержки, власть была социальным банкротом. Она сплотила против себя почти все слои населения. У этой сплоченности были все признаки социального капитала – взаимное доверие, взаимопомощь, общие каналы информации и готовность к совместным действиям, но все это было социальным капиталом контрмодернизации. Супермаркеты, рестораны и казино как символы господства прозападной либеральной

коррумпированной бюрократии все чаще подвергались разгрому. Толпы противников режима вступали в столкновение с полицией и даже с армейскими подразделениями. Репрессии против лидеров оппозиции, осуществлявшиеся сотрудниками САВАК, только подогревали антишахские настроения.

В ***турецкой модели модернизации*** тоже было уделено немалое внимание развитию экономики. Экономический конгресс, созванный кемалистами в Измире в феврале 1923 г., поставил задачу перехода от мануфактуры и мелкого производства к крупным фабрикам и заводам, создания отраслей промышленности, для которых в стране имелось сырье. Был создан государственный банк. В 20-е гг. правительство стремилось расширить использование сельскохозяйственных машин. С этой целью был принят ряд законов, которые предусматривали поощрительные меры для крестьян, использующих сельскохозяйственную технику *(Васильев, 1994)*. Собственно же городская индустриализация началась через 10–15 лет после образования республики. Только в 1933 г. был принят первый, а в 1937 г. – второй план индустриального развития страны. Создание же конкурентоспособной на мировом рынке индустрии и вовсе отделено от реформ Ататюрка несколькими десятилетиями. Это время было использовано на формирование социальной базы модернизации.

Ататюрк был одним из первых лидеров современного мира, поставивших задачу формирования социокультурного капитала нации (хотя и не использовал этого термина) в качестве важнейшей предпосылки его модернизации. Этот капитал должен был со временем конвертироваться и в экономический. В этой связи одной из важнейших задач кемалисты считали изменение отношения турок к работе на промышленных предприятиях, считавшейся недостойной. Существовало и скептическое отношение бывших осман к предпринимательству в этой сфере.

Предприниматели-турки составляли меньшинство в бизнес-сообществе. Те немногие промышленные предприятия, которые были в то время в Турции, принадлежали либо иностранному капиталу, либо турецким гражданам, представителям национальных меньшинств. Они же составляли и львиную долю занятых в промышленности, общая численность которых в 1920-х гг. была очень мала и не превышала 40 тыс. человек. Нарождающаяся турецкая буржуазия возлагала надежды на опытную сильную бюрократию, на государство, которое создаст им благоприятный климат для развития, поможет преодолеть в неразвитом частном секторе монополию местных нетурецких коммерсантов и, особенно, иностранного капитала. Реформы Ататюрка как раз и должны были содействовать развитию национального частного капитала, класса собственников и предпринимателей, а также становлению национальной промышленности и банковской системы.

В таких условиях в основу экономической программы кемалистов был положен принцип этатизма, предусматривавший ведущую роль государства в реформировании политической и экономической систем, преобладание государственного сектора в экономике при вторичной, на первых порах, роли частного капитала. Кроме того, государство должно было обеспечить модернизацию военного потенциала страны и установить контроль над всеми важными отраслями производства, транспорта и использования стратегических ресурсов.

Турецкая модель этатизма разительно не похожа на иранскую времен «Белой революции». Шах, ставя задачу ускоренной индустриализации страны, делал ставку на привлечение, прежде всего, иностранного капитала. Ему были предоставлены абсолютно привилегированные условия. Например, с 13 октября 1964 г. все подданные США (а не только дипломаты) пользовались правом экстерриториальности. Что бы они ни совершили, их нельзя было судить по иранским законам. На этот декрет шаха немедленно отреагировал аятолла Хомейни. Уже 25 октября 1964 г. он заявил: «Иранский народ поставили в положение хуже американской собаки. Ведь если кто задавит американскую собаку, его привлекут к ответственности, даже если это сделает шах Ирана. Но если американский поваренок переедет на своей машине шаха – главу государства, ему ничего не будет». Проблема монополии иностранного капитала состояла не только в том, что опора на него вызвала раздражение части местной элиты, имевшей немалое влияние на население. Главное, что такой путь не помогал созданию местных социальных слоев, являющихся гарантом устойчивой модернизации.

Кемалисты, ставя задачу индустриализации Турции, тоже могли двигаться по накатанной колее, ведь с середины XIX в. султан расплачивался за растущий государственный долг, предоставляя иностранному капиталу концессии. Однако Ататюрк выбрал более длительный, но в конечном счете более эффективный путь. Суть турецкого этатизма как раз и сводилась к формированию условий для возникновения именно национальной экономики и национального капитала. По мере того как

в Турции складывался социальный слой, способный защитить модернизацию, она укоренялась в обществе, становилась исторически устойчивой, менее подверженной срывам и откатам.

По своему характеру турецкая модернизация во многом является антиподом иранской. Шах сохранял монархию, объясняя это тем, что она соответствует национальному характеру персов. Эта догма была развенчана исламской революцией, установившей республику, но в уродливой форме наиболее теократического государства современного мира. Ататюрк двигался в противоположном направлении – от теократической империи к светской республике[3].

Все предшествующие этапы реформирования Турции, которые предпринимались, скажем, «новыми османами» в середине XIX или «младотурками» в начале XX в. и стремившиеся к конституционному ограничению власти султана, не посягали на имперские основы его власти. Более того, младотурки считали сохранение империи одной из главных своих задач и выдвигали принцип пантюркизма и панисламизма в качестве идеологических скреп империи.

Между тем имперская система уже с начала XIX в. стала все в большей мере тормозить развитие модернизационных процессов. По мере роста государственного долга Османской империи содержание ее обширного территориального тела становилось непосильной обузой. Рост национально-освободительного движения на Балканах требовал не только материальных затрат, но и значительных человеческих жертв. Войны истощали демографический потенциал турецкого народа, учитывая, что армия комплектовалась в основном из турок. Республика Турция уже с момента своего появления провозгласила в качестве своих важнейших принципов *народный суверенитет* («Суверенитет безусловно и безоговорочно принадлежит народу») и *миролюбие* («Мир в стране – мир во всём мире»)[4]. Оба принципа противоположны имперским – суверенитет султана и имперская экспансия.

[3] В результате Первой мировой войны Турция потеряла не только все свои колонии, но и значительную часть собственной территории, оккупированные странами Антанты к началу 1919 г., которая ввела свой флот в проливы. В мае 1919 г. в добавление к этому Греция оккупировала Измир и прилегающие территории. В соответствии с Севрским договором (10 августа 1920 г.), подписанным султаном Мухаммедом VI для сохранения своей власти, трона и династии, страны Антанты оставили Турции примерно треть ее нынешней территории. Турецкая армия был распущена. В августе 1920 г. войска стран Антанты взяли под свой контроль Стамбул. Однако еще в 1919 г. в Турции начался процесс стихийного формирования партизанских отрядов для борьбы с интервентами. Национально-освободительное движение возглавил генерал Мустафа Кемаль, выдвинувший лозунг: «Независимость народа будет спасена по воле и решению самого народа». Национально-освободительная война, продолжавшаяся около пяти лет, завершилась 24 июля 1923 г. подписанием Лозанского договора. Таким образом, не осталось никаких преград для создания нового турецкого государства, основывающегося на национальном единстве. Это государство создавалось в границах нынешней Турецкой республики. 29 октября 1923 г. была провозглашена Республика Турция.

[4] Мустафа Кемаль, стремящийся вывести Турцию на уровень современной цивилизации, инициировал и реализовал ряд реформ.

1. Политические и правовые преобразования:

Упразднение султаната (1 ноября 1922 года).

- Провозглашение Республики (29 октября 1923 года).
- Упразднение халифата (3 марта 1924 года).
- Отмена свода законов, основывающихся на шариате, и принятие нового Гражданского кодекса и других законов, в результате чего стал возможным переход на светскую систему государственного правления (1924–1937 годы).

2. Преобразования в общественной жизни:

- Предоставление женщинам равных с мужчинами прав (1926–1934 годы).
- Реформа головных уборов и одежды (25 ноября 1925 года).
- Запрет на деятельность религиозных обителей и орденов (30 ноября 1925 года).
- Закон о фамилиях (21 июня 1934 года).
- Введение международной системы времени, календаря и мер измерения (1925–1931 годы).
- Объединение всех органов образования под единым руководством (3 марта 1924 года).
- Принятие нового турецкого алфавита (1 ноября 1928 года).
- Упорядочение университетского образования (31 мая 1933 года).

3. Преобразования в сфере экономики:

- Отмена системы ашара (устаревшего налогообложения сельского хозяйства).
- Поощрение частного предпринимательства в сельском хозяйстве.
- Создание образцовых сельскохозяйственных предприятий.
- Издание Закона о промышленности и создание промышленных предприятий. Принятие 1-го и 2-го планов индустриального развития (1933–1937 годы), строительство дорог на территории всей страны.

В соответствии с Законом о фамилиях 24 ноября 1934 года ВНСТ присвоило Мустафе Кемалю фамилию Ататюрк. См.: *(Васильев, 1994)*.

Прививаемое туркам имперское османское самосознание подрывало национальное турецкое. Знаменитые слова Мустафы Кемаля «Какое счастье быть турком!» следует понимать как призыв к пробуждению национального самосознания. Ататюрк искал исторические аргументы, чтобы восстановить у турок чувство национальной гордости, подорванное за предшествующие два века почти непрерывными поражениями и болезненным распадом империи.

Ататюрк ставил задачу восстановления общемировой репутации турок и их самоуважения в качестве важнейшего элемента символического капитала модернизации. При этом образ турок не противопоставлялся другим народам. Напротив, Ататюрк постоянно подчеркивал, что только национальная общность может войти в сообщество цивилизованных народов. Соответствие поведения турок принципам цивилизованных обществ постоянно выдвигалось Ататюрком в качестве критерия добродетельности и позитивной репутации турецкого народа. «Друзья! Цивилизованная международная одежда достойна и подходящая для нашей нации, и мы все будем носить ее». Это его аргументы в защиту реформы головных уборов. Или другое его изречение: «Обычай закрывать лицо женщинам делает нашу нацию посмешищем». Мустафа Кемаль добивался в своей стране такого же уровня эмансипации женщин, какой они имели в Западной Европе. Более того, в Турции женщины получили право голосовать и быть избранными в муниципалитеты и в парламент раньше, чем во многих странах Европы.

Развитию национальной культуры должна была содействовать реформа в сфере языка. Турецкий язык был переведен на латиницу, более адекватную нормам национального языка. На турецкий язык был переведен Коран.

Кемалисты, мобилизовав общество после победы национально-освободительного движения на проведение дальнейших реформ, стали с огромным трудом прививать необычное для Османской империи сознание национального гражданства. Официальная кемалистская доктрина противопоставила *пантуркизму* младотурок *туркизм*, определив, что все население страны представляет собой одну гражданскую нацию – турок, при сохранении свободы этнокультурной и религиозной самореализации меньшинств. Они пользовались равными правами с турками и получили возможность продвигаться по государственной службе вне зависимости от своих религиозных убеждений и этнической самоидентификации. Этот подход радикально отличался от гражданских основ Османской империи, так и не предоставившей меньшинствам равных прав, например, в сфере военной службы.

Национальная доктрина Ататюрка может рассматриваться как одно из проявлений гражданского национализма, подобного тому, который принят в официальных доктринах большинства европейских стран и выглядит как отдаленная, пока недостижимая цель для такой страны, как Россия.

В сфере внешней политики при Ататюрке был провозглашен принцип нерушимости границ Турции, определенных Лозанским договором, вместо идеи имперской экспансии.

Итак, сердцевиной реформ Ататюрка было изменение имперской системы управления, формирование нации и ее социокультурного капитала – всего того, чем пренебрегала иранская модель реформ, провалившаяся, в конечном счете, в силу неподготовленности государства и общества к индустриальной модернизации. В Турции же **вначале создавались светское государство и общество-нация, способные к индустриальной модернизации. Такая последовательность во многом и определила конечный успех турецких реформ.**

3. Элиты – модернизаторские и патримониальные

Сложившийся в Османской империи политический строй *характеризовался* многими чертами, позволившими М. Веберу отнести его к универсальному типу – *имперско-патримониальному*. Вместе с тем османский патримониализм во многом был уникальным. Эти особенности были отмечены тем же Вебером, выделившим особый тип патримониальных отношений – «султанизм».

В политической социологии М. Вебера патримониализм рассматривается как переходная ступень между традиционным типом управления и современным – рационально-легитимным. Положение патримониального чиновника в обществе, так же как и его функции в управлении государством, не регулируется ни традицией, скажем, принадлежностью к определенному социальному сословию (аристократии или дворянству), ни правовыми нормами. Они заданы только личными

взаимоотношениями чиновника с правителем. Патримониальный чиновник – слуга, лично подчиненный правителю *(Bendix, 1966. Pp. 334–335)*. Такой тип управления был характерен для многих абсолютных монархий, а также для тоталитарных режимов коммунистического типа (отчасти он сохраняется и в некоторых посткоммунистических странах). Однако в Османской империи патримониализм имел свои особенности. Здесь не только личная военная гвардия султана (янычары), но и светская бюрократия (*капыкулу)* являлись «рабами султана» и первоначально набирались из числа зависимых людей – рабов, на повиновение которых он мог полагаться. Достигнув определенного ранга, они получали не только обширные полномочия в сфере управления, но и место за столом правителя. В какой-то мере высшая бюрократия, например великий визирь, становилась частью семьи султана. Вместе с тем султан в состоянии был по личной прихоти, без объяснения причин лишить любого чиновника (включая и великого визиря) не только всех привилегий, но и самой жизни. Отрубленная голова визиря, набитая хлопком, служила устрашением для его приемников, напоминая им, что они всем обязаны султану.

К XIX в. капыкулу набирались уже не из рабов, а из свободного образованного населения, как правило, из среды потомственной бюрократии. Эти люди обладали обширными знаниями, полномочиями, фактически управляли империей от имени султана и зачастую накапливали немалые личные состояния, однако их положение все так же было не формализовано и целиком зависело от воли повелителя. Понятно, что именно этот слой постоянно добивался правового закрепления своего статуса. Именно этот слой был жизненно заинтересован в ограничении власти монарха и при первой же возможности подталкивал султана к введению конституции.

Во всех исторических циклах турецких реформ их основной движущей силой выступала светская и военная бюрократия, в какой-то мере компенсировавшая отсутствие в Турции вплоть до середины XX в. «третьего сословия» и класса независимых землевладельцев, способных и заинтересованных в ограничении произвола центральной власти. Это дало основания Ш. Эйзенштадту назвать турецкую бюрократию «модернизаторской элитой», стремившейся на всех этапах турецкой модернизации XIX – начала XX вв. к *«формированию большей институциональной гибкости и автономности структур управления» (Эйзенштадт, 1999. С. 287)*. К похожему выводу пришли и некоторые российские исследователи, опровергающие советские представления о неизбежной оторванности бюрократов от населения и его якобы заведомой контрмодернизационной роли. Так, И. Фадеева считает, что можно говорить о появлении в XIX в. консолидированной прослойки бюрократии, которая «с эпохи Махмуда II проявляет тенденции к объединению и взаимной поддержке. Эта же прослойка, выступая за реформы, уже в полной мере осознавала угрозу, таившуюся в собственном традиционном рабском статусе, и стремилась *к гарантиям безопасности, которые в законодательных актах распространялись не только на правящую элиту, но и на другие слои населения» (Фадеева, 1993. С. 154)*. Мустафа Кемаль был представителем этой модернизаторской элиты как по происхождению (сын офицера, ставшего впоследствии таможенным чиновником), так и по идеологии (со студенческих лет он участвовал в философских дискуссиях младотурок, хотя и не принимал участия в их политических акциях).

Реформы Ататюрка, в отличие от реформ иранского шаха, не были «верхушечными»; они продолжали турецкую историческую традицию противостояния между модернизаторской элитой и имперской властью. Можно говорить о том, что Ататюрк опирался на *исторический капитал*, которого не было в Иране.

С XIX в. сформировались идеалы модернизации. Они определялись культурными приоритетами сравнительно широкого социального слоя модернизаторской элиты, связывающей позитивное будущее Турции с процессом ее европеизации (alafranga) и достижением идеала «современной цивилизации». Ничего похожего не было в Иране, где идея вестернизации сформировалась лишь в XX в. и поддерживалась крайне узкой группой приближенных шаха и так называемой компрадорской буржуазией, посредников западного капитала.

Ататюрк, можно сказать, был одним из первых политических технологов XX в. Предпринимая радикальные изменения турецкой жизни, он постоянно подчеркивал связь реформ с исторической традицией. В обоснование всех своих реформ, включая, казалось бы, совсем эксцентричные, такие, например, как запрет ношения традиционного головного убора турок – фески, он непременно при-

водил исторические аргументы. Сама феска в свое время пришла на смену традиционному тюрбану. В середине XIX в. после одной из проигранных военных кампаний султан решил не только перевооружить армию, но и переодеть ее в новую форму. Тогда и появилась феска как синтез традиционной одежды и новой – легкой, европейской.

Ататюрк осознавал или ощущал важную роль символического капитала модернизации. В этом смысле он чем-то напоминал Петра I, который стриг бороды своим боярам и переодевал их в европейскую одежду. Современные социально-психологические исследования (например, П. Бурдье) подвели под этот эмпирический опыт фундаментальную теоретическую базу, подтвердившую верность интуитивных догадок великих реформаторов о значении символов перемен.

Иная стратегия была у иранского шаха. Он проводил свои реформы, идя напролом, без малейшей попытки «упаковать» новации в традиционную оболочку, представить их как продолжение традиции, совершенно не заботясь о последствиях такого штурма для своего репутационного капитала.

Иранский шах расплачивался со своими приближенными тем, что предоставлял им защиту от закона. Иранский этатизм поставил над законом чиновников шаха. Например, председатель сената Дж. Шариф-Имами, прозванный за взяточничество «господином пять процентов», не только не привлекался к уголовной ответственности, но и получал награды от монарха. Уличенный в казнокрадстве генерал Ф. Джем все же был наказан, но не слишком сурово – отправлен послом в Испанию. В Турецкой же республике именно к чиновникам государство предъявляло повышенные требования. Они первыми должны были демонстрировать готовность подчиняться законам и демонстрировать приживаемость реформ. Чиновники первыми должны были освоить новый алфавит и отказаться от фесок. Их жены первыми снимали чадру. Чиновники должны были демонстрировать готовность приобретать товары национальных производителей, например, шить одежду из турецкой ткани, которая в то время заметно уступала по качеству тканям зарубежного производства. Появившийся при Ататюрке независимый суд в 1960 г. привлек к ответственности за коррупцию премьер-министра Турции Аднана Мендереса.

Провал иранской модернизации в значительной мере был связан с «ресурсной ловушкой», о которой мы уже говорили. В Турции такой проблемы не было.

Турецкий этатизм проявлялся и в политической сфере. Реализация правящей элитой задачи европеизации Турции «в короткие исторические сроки» требовала сохранения определенного уровня авторитарности. Элита была организована в единую правящую политическую партию, Народно-республиканскую, программа которой покоилась на упомянутых кемалистских принципах – *светскость, туркизм, республиканизм, европеизация*. В то же время Ататюрк предпринял две попытки создать легальную оппозицию НРП, но обе кончились неудачно: оппозиционные партии, как магнит, собирали самых ярых противников нового режима, включая и тех, кто был готов к вооруженным выступлениям против власти.

Важно подчеркнуть, что политика этатизма в Турецкой республике была недолговечной. Окрепшая к середине 1950-х гг. турецкая буржуазия стала тяготиться избыточным государственным контролем и требовала приватизации раздутого, по ее мнению, государственного сектора экономики. Сформировался либеральный альянс представителей верхушки третьего сословия, чиновников и новых землевладельцев. В 1950–1960-х гг. они оказывали заметное давление на режим Баяра – Мендереса, вынуждая его к частичной либерализации режима, по крайней мере, в сфере экономики. С 1960-х гг. неизбежностью становился и переход к многопартийности, на которой особенно настаивали союзники Турции по НАТО. Однако длительное отсутствие каналов легального выражения протестных настроений и особенно репрессивная политика в отношении левых сил привели к тому, что новые оппозиционные партии складывались преимущественно как исламистские (в открытой или завуалированной форме).

4. Ислам и модернизация

Как в Турции, так и в Иране наибольшее противодействие модернизации оказывало исламское духовенство. На наш взгляд, излишне упрощенными и не адекватными реальности являются утверждения многих исследователей, связывающих это явление с особенностями самой исламской

религии, его большей, чем в христианстве, регламентацией повседневного поведения человека и большей же ориентацией на корпоративизм, противоположный индивидуализму *(Дюмон, 2000. С. 16; Фадеева, 1993. С. 62–63)*. Исследования лауреата Нобелевской премии в области экономики А. Сена показывают, что ни одна из мировых религий не создает преград для экономической модернизации и вполне способна адаптироваться к ней *(Сен, 2004)*.

В каких-то аспектах традиционный ислам даже в меньшей мере, чем христианство, способен оказывать противодействие реформам, проводимым государственной властью. Прежде всего, потому, что в исламском мире не существует жесткой институциональной организации духовенства, подобной, например, католичеству, объединяемому папским престолом; в большинстве стран этого мира религиозные функционеры не образовали сплоченного института. Осознавая эту институциональную разобщенность, шах Мухаммед Реза Пехлеви, еще за несколько месяцев до исламской революции, не мог представить себе саму возможность сплочения исламского духовенства в стране и превращения ислама в политическую силу. В этом отношении Османская империя представляла собой не столько правило, сколько исключение в исламском мире.

С 1517 г. турецкие султаны сочетали титулы императора и халифа, формального лидера исламского мира. Это придавало легитимность как имперским завоеваниям в исламском мире, так и абсолютной власти монарха внутри собственно турецкой ее части. Как пишет И.Л. Фадеева, «концепция государства в Османской империи имела смысл только в религиозном контексте. Религия обеспечивала не только законность политического руководства, но и его стабильность, что достигалось минимизацией упований на правительство» *(Фадеева, 1993. С. 63)*. Кроме того, религия была связующим звеном между центром и периферией Османской империи, в которой все местное управление находилось под опекой исламского духовенства. Оно же выполняло функции контроля деятельности всех элементов управления. По существу османская бюрократия состояла из двух отдельных бюрократических структур. Одной из них была гражданская бюрократия капыкулу, а другой – «религиозная бюрократия», формировавшаяся из лиц, прошедших обучение в медресе. В сфере ответственности «религиозных бюрократов», улемов, находились три важнейшие области: система образования, судебная система и толкование шариата, являвшегося основой правовой системы империи. «Вся политическая власть в Османской империи была одним из инструментов применения шариата в государстве» *(Фадеева, 1993. С. 63)*.

Ни одна из исторических попыток модернизации Турции, предшествующих реформам 1920–1930-х гг., не ставила задачи полного отделения религии от государственного управления, что в значительной мере обрекало турецкую модернизацию на воспроизводство циклов реформ и контрреформ. Ататюрк первым выдвинул принцип *лаицизма,* т. е. развития светского государства и его правовой системы. Такая политика была подготовлена анализом опыта поражений всех предшествующих попыток модернизации. Отчасти же к ней подтолкнули и конкретные обстоятельства становления молодой республики. В 1923 г. султан Турции Мухаммед VI был низложен и укрылся на британском военном корабле. Однако вскоре его наследник, принц Абдул-Меджид, принимает титул халифа. В течение полугода в Турции формально существовало двоевластие – власть президента республики и власть халифа. Лишь в марте 1924 г. халифат был упразднен законом.

Лаицизм в Турции не имеет ничего общего с воинствующим атеизмом советских большевиков. Секуляризация затронула лишь сферу управления и образования. Ислам по-прежнему оставался при Ататюрке и до сих пор остается важной частью частной жизни граждан. Так, в преамбуле к действующей Конституции Турции подчеркивается, что «в соответствии с принципом светского государства на государственные дела и политику никоим образом не должны влиять священные религиозные чувства» *(Сюкияйнен, 2009)*. В то же время в ст. 24 предусмотрено, что каждый имеет право на свободу совести, вероисповедания и религиозных убеждений, а богослужение, религиозные обряды и церемонии должны проводиться свободно. Никто не должен быть принужден к отправлению религиозных культов или участвовать в религиозных церемониях и обрядах, к проявлению своих религиозных верований и быть обвиненным или осужденным за свои религиозные убеждения» *(Сюкияйнен, 2009)*. Показательно, что в светской республике обучение религиозной культуре и этике является обязательным элементом в учебных планах начальных и средних школ, но осуществляется под контролем и надзором государства.

Принцип лаицизма вызывал наибольшее, в сравнении с другими принципами Ататюрка, сопротивление в Турции. Неоднократно предпринимались попытки мятежей. И все же ни исламской революции иранского типа, ни гражданской войны, как в Советской России, в Турции не было. Светский характер государства, как мы еще покажем, в основном выдерживает испытание временем.

После Второй мировой войны влияние ислама на политическую жизнь Турции стало возрастать. Неоднократные вмешательства в политику турецкой армии, бравшую власть для восстановления кемалистских принципов светского государства, не могли стать нормой в современной Турции. Такая форма борьбы за светский характер государства исключала возможность развития общественного контроля над властью. В новых условиях должны были появиться и новые доктрины.

Возрожденная в середине 1980-х гг. гражданская власть вывела на политическую сцену Турции новых авторитетных лидеров, наиболее ярким из которых стал Тургут Озал. Он исходил из того, что исламизм нельзя подавить, а ислам нужно сделать союзником либерализации и модернизации. Так появилась новая доктрина *турецко-исламского синтеза*.

Важнейшую роль в ее реализации сыграл такой своеобразный политический институт как «Высший совет общества культуры, языка и истории имени Ататюрка». Это конституционный орган. Статья 134 действующей конституции Республики Турция определяет общие задачи этого идеологического органа власти, в числе которых основными можно назвать следующие: «развитие национальной культуры на уровне современной цивилизации» и «укрепление национального самосознания и единства». Обществу подчинены четыре научных общества – Турецкое историческое общество, Турецкое лингвистическое общество (оба учреждены еще Ататюрком, в 1928 г.; этим же обществам он завещал часть своего личного состояния), Исследовательский Центр по Ататюрку и Центр культуры имени Ататюрка.

Высший совет на своем заседании 20 июня 1986 г. под председательством президента Турции Эврена и с участием премьер-министра Т. Озала, начальника Генштаба и многих других высших должностных лиц «*одобрил доклад на предмет принятия всей нацией понятия культуры, которое составляет основу турецко-исламского синтеза*». Подчеркивалось, что «*источниками национальной культуры Турции являются и тюркская культура, и исламская культура*» [Цит. по: *(Киреев, 2000. С. 78–92)*].

Обращает на себя внимание тот факт, что к обсуждению проблемы культурной идентичности в Турции привлекаются высшие должностные лица государства. Трудно вспомнить другую страну, в которой культурная доктрина становится основой политической стратегии государства на многие годы.

Что касается сущности доктрины Т. Озала, то у нее есть противники, считающие, что «озализм» вытесняет кемализм. Вместе с тем у нее немало сторонников. Последние полагают, что современное турецкое общество уже достаточно созрело для того, чтобы использовать для целей модернизации потенциал исламских движений и одновременно предотвращать возможности прихода к власти религиозного радикализма, не прибегая к тактике военных переворотов. Крупнейший писатель Турции Октай Акбаль летом 1998 г. писал: «Считается, что только военные выступают против сторонников реакции… Активные силы страны, ее различные организации, ее рабочие, предприниматели, преподаватели, все просвещенные народные массы являются защитниками республиканских реформ. Не будь этих гражданских сил, что могли бы сделать военные?» [Цит. по: *(Киреев, 2000. С. 90)*].

Известный турецкий политолог Токтамыш Атеш отмечает ослабление позиций прежней бюрократии, опорой которой была государственная собственность, и появление новой турецкой элиты – «управляющая Турцией гражданская власть – это власть коалиции, составленной из тех, кто контролирует производство бытовой техники, автосборку и строительные подряды» [Цит. по: *(Киреев, 2000. С. 90)*]. Сильно окрепшая к концу XX в. предпринимательская прослойка и, особенно, ее верхушка, представленная ныне несколькими весьма влиятельными союзами предпринимателей, торговыми и промышленными палатами крупных городов страны, отраслевыми союзами работодателей, не заинтересована в крайнем исламизме. Решая поддерживать какую-либо идеологическую инициативу активистов национально-исламского синтеза, они оценивают ее целесообразность для своего бизнеса и готовы выступить против радикализма как националистического, так и исламского, приводящего к конфликтам и угрожающего интеграции Турции с ЕС.

Исламская интеллектуальная элита также противостоит крайнему религиозному радикализму. Известный ученый-богослов, профессор Стамбульского университета Яшар Нури Озтюрк призывает соотечественников изучать ислам хотя бы для того, чтобы разоблачать политиканов от религии: «Народ должен на деле выступить против тех, кто эксплуатирует религию, кто под религиозным обличьем нарушает права человека. Нужно не охать, а разоблачать, осуждать, противодействовать» [Цит. по: *(Киреев, 2000. С. 90)*].

В современной Турции происходит заметная адаптация умеренных исламских партий к светской системе государственного управления и к целевым установкам турецкой элиты. Так, в официальной программе происламской Партии Справедливости и Развития (во главе с Т. Эрдоганом), находящейся ныне у власти, отмечено в качестве важней внешнеполитической задачи вступление Турции в ЕС *(Программа Партии Справедливости..., не датировано)*.

Лишь время может протестировать эффективность новых турецких культурно-политических доктрин; что касается большинства реформаторских идей Ататюрка, то они уже прошли испытание временем.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев А. (1983). Персидский залив в эпицентре бури. М.: Наука.

Васильев Л. (1994). История Востока, в двух томах, т. 2. М.: Высшая школа.

Дюмон Л. (2000). Homo Aequalis, I. Генезис и расцвет экономической идеологии. М.: NOTA BENE, 240 с.

Киреев Н. (2000). Метаморфозы правящей элиты Турции // *Политическая элита Ближнего Востока*. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, с. 78–92.

Программа Партии Справедливости и Развития (не датировано). Раздел «Внешняя политика» // Доступно на: http://www.akparti.org.tr/site.

Сен А. (2004). Культурная свобода и развитие человеческого потенциала // *Доклад о развитии человека 2004: Культурная свобода в современном многообразном мире*. ПРООН, с. 17–25. М.: Весь Мир.

Сотниченко А. (2008). Великие реформаторы // Мохаммед Реза Пехлеви // Казак на персидском троне // *Аналитический еженедельник «Дело»*, 28 апреля. Доступно на: http://www.idelo.ru/508/23.html.

Сюкияйнен Л. (2009). Религия, право и исламская мысль в современной Турции // *Ученые о Фетхуллахе Гюлене*, 12 января. Доступно на: http://fgulen.ru/ru/about-fethullah-gulen/scientists/30352-religion-law-and-islamic-thought-in-modern-turkey.

Фадеева И. (1993). Концепция власти на Ближнем Востоке. М.: Наука.

Эйзенштадт Ш. (1999). Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс.

Bendix R. (1966). Max Weber: An intellectual portrait. London: Methuen.

Frey F.W. (1965). The Turkish political elite. Cambridge Mass.: The MIT Press, 483 p.

REFERENCES

Dumont L. (2000). Homo Aequalis, I. The Genesis and Triumph of Economic Ideology. Moscow: NOTA BENE, 240 p. (In Russian.)

Eisenstadt S. (1999). Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations. Moscow: Aspekt-Press. (In Russian.)

Fadeeva I. (1993). The concept of power in the Middle East. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)

Kireev N. (2000). Turkish ruling elite metamorphosis. *The political elite of the Middle East*. Moscow: The Institute for the Study of Israel in the Middle East, pp. 78–92. (In Russian.)

Sen A. (2004). Cultural Liberty and Human Development. *Human Development Report 2004: Cultural Liberty in Today's Diverse World*. UNDP, pp. 17–25. Moscow: Ves Mir Publ. (In Russian.)

Sotnichenko A. (2008). The great reformers // Mohammad Reza Pahlavi // Cossack on the Persian throne. *«Delo» (An Analytical Weekly)*, April 28. Available at: http://www.idelo.ru/508/23.html. (In Russian.)

Syukiyaynen L. (2009). Religion, Law and Islamic thought in modern Turkey. *Scientists on Fethullah Gülen*, January 12. Available at: http://fgulen.ru/ru/about-fethullah-gulen/scientists/30352-religion-law-and-islamic-thought-in-modern-turkey. (In Russian.)

The program of the Party of Justice and Development (undated). Foreign Policy. Available at: http://www.akparti.org.tr/site. (In Turkish.)

Vasilyev A. (1983). Persian Gulf in the eye of the storm. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)

Vasilyev A. (1994). History of the East, in two volumes, vol. 2. Moscow: Vyshaya shkola Publ. (In Russian.)

Bendix R. (1966). Max Weber: An intellectual portrait. London: Methuen.

Frey F.W. (1965). The Turkish political elite. Cambridge Mass.: The MIT Press, 483 p.